

СИМБИРЯНЕ В ЖИЗНИ и творчестве А.С. Пушкина

Елена Беспалова,
заведующая научно-
исследовательским отделом
Государственного историко-
мемориального музея-заповедника
«Родина В.И. Ленина»

В начале 1820-х годов князь П.А. Вяземский писал: «Симбирск отличался всегда пред прочими губернскими городами успехами в общежитии и светской образованности»¹. Слова эти, по сути, признание выдающихся заслуг уроженцев Симбирска и Симбирской губернии перед русской литературой (шире — культурой) на рубеже XVIII и первой половины XIX вв. Вяземский, конечно же, имел в виду, прежде всего поэта, писателя, историка, автора двенадцатитомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и его друга — баснописца и поэта И.И. Дмитриева. Но были ещё государственный деятель и историк А.И. Тургенев и его братья, были поэт Н.М. Языков и герой-партизан Д.В. Давыдов.

Возможно, П.А. Вяземский, с присущим ему даром предвидения, говорил и о том особом месте, которое занимали симбиряне в жизни и творчестве А.С. Пушкина. Уже давно было очевидно, что Симбирск и симбиряне для Пушкина — это что-то большее,

чем те пять дней, которые он провёл в Симбирске осенью 1833 года. Скорее символично, чем случайно, что в самом начале своего творческого пути Пушкин в первом печатном публичном стихотворении среди трёх наиболее значимых поэтов России называет симбирянина И.И. Дмитриева. А на исходе жизни, когда для Пушкина главным становится вопрос об общественной позиции писателя, о его независимости от власти, его взор обращается к личности Н.М. Карамзина. «Подвигом честного человека» назовёт Пушкин жизнь симбирянина Карамзина.

В ближнем окружении А.С. Пушкина уроженцы Симбирской губернии всегда занимали особое место. Вся недолгая жизнь поэта прошла у них на глазах. Они стояли, в прямом смысле слова, у колыбели поэта. Они видели его первые шаги, слышали его невнятный детский лепет. Шестилетним ребёнком Саша Пушкин, оставя свои игрушки, слушает разговор отца, Сергея Львовича, с Н.М. Карамзиным, с которого он не спускает глаз. «Пушкин учился читать по страницам Карамзина», — скажет впоследствии А.И. Тургенев². В детстве,

¹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. СПб., 1878. Т. I. С. 115.

² Письмо А.И. Тургенева к П.А. Вяземскому от 28 апреля 1825 г. // Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. Гр. С.Д. Шереметева. СПб., 1899–1913. Т. III. С. 117.

в доме своего отца и у своего дяди — поэта В.Л. Пушкина, слушая чтение стихотворений и басен И.И. Дмитриева, он повторяет их наизусть. Недаром П.А. Вяземский отмечал: «Нет сомнения, что первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он <Пушкин> был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью»³, имея в виду тех московских литераторов, которые посещали дом его родителей. Это, прежде всего, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев, К.Н. Батюшков. О той роли, которую они сыграли на первом этапе становления Пушкина как поэта, красноречиво свидетельствуют слова, написанные А.Д. Иллличевским — лицейским товарищем Пушкина — в одном из писем его в 1812 г.: «Что касается до моих стихотворческих занятий, я в них успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека <Пушкина>, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрёл много в поэзии знаний и вкуса»⁴.

На глазах этих «лучших стихотворцев» прошло его детство и отрочество. Они сыграли неоценимую роль в его судьбе и всегда приходили к нему на помощь в трудных житейских ситуациях. Почти все они пережили его.

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) — крупнейший признанный авторитет в поэзии конца XVIII — начала XIX вв. — одним из первых рассмотрел в юном Пушкине великую поэтическую судьбу, угадал поэтический дар и сравнил его с прекрасным цветком поэзии, «который долго не побледнеет». «Не знаю ещё, что выйдет, но он исполнен священного негодования, зияет молнией и громом говорит»⁵, — писал он в 1818 г. в письме к А.И. Тургеневу. В свою очередь, Пушкин уже в первом своём печатном стихотворении «К другу стихотворцу» восклицал:

³ Вяземский П.А. Т. VII. С. 88.

⁴ Русский архив. 1864. № 10. С. 1052.

⁵ Дмитриев И.И. Сочинения / Ред. и прим. А.А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 233.

Меж тем как Дмитриев, Державин,
Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава Россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!⁶

Начиная с этого стихотворения, в пушкинской поэзии лицейских лет И.И. Дмитриев упоминается в числе лучших русских поэтов.

В 1817 г. Пушкин пишет «Послание к В.Л. Пушкину», в котором советует дяде:

Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,

⁶ Это стихотворение было напечатано в 1814 г. в журнале «Вестник Европы» (1814. № 13. С. 9–12), который был основан в 1802 г. Н.М. Карамзиным.

**И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,
Министр и сладостный певец,
Был строгий чести образец,
Как образец он будет слога.**

Приведа в качестве примера стихотворение «Ермак», конечно же, Пушкин пишет об И.И. Дмитриеве, бывшем министре юстиции, подчёркивая, что он являлся преобразователем стихотворного языка, и его сочинения справедливо почитались образцовыми.

Однако в начале 1820-х годов начинают вырисовываться расхождения в литературной позиции Пушкина и Дмитриева. Отношение Пушкина меняется, становится холодным, а порой и враждебным. Камнем раздора явилось появление в печати поэмы «Руслан и Людмила», после чего в письмах к своим друзьям Дмитриев выразил отрицательное отношение к этому произведению, хотя и обставил его различными оговорками. Это могло послужить толчком со стороны Пушкина к переоценке творчества Дмитриева, совпавшей по времени с формированием у него своей концепции истории русской литературы. «Перемирие» между ними, наступившее в начале 1830-х годов, приобрело характер почтительной дружбы двух поэтов. В ряде писем Пушкин весьма лестно отзывается о поэтической деятельности Дмитриева и в литературной полемике нередко опирается на его произведения, заимствует из них эпитафии, встречается с ним во время своих приездов в Москву и приездов Дмитриева в Петербург, посылает ему свои сочинения. В работе над «Историей Пугачева» Пушкин использовал не только выдержки из неопубликованных «Исторических записок» И.И. Дмитриева о казни Е. Пугачева, непосредственным свидетелем которой он был, но воспользовался его устными рассказами о временах пугачёвщины. «...Хроника моя <«История Пугачёва»> обязана Вам яркой и живой страницей, за которую много будет прощено самыми строгими читателями»⁷, — благодарил Пушкин И.И. Дмитриева в письме 14 февраля 1835 года.

⁷ Русский архив. 1866. Стб. 1722–1724.

Особенно большим другом и покровителем Пушкина был симбирянин **Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)**. К 1815 г. относятся первые, известные нам, упоминания Пушкина о Н.М. Карамзине. Во время пребывания своего в Царском Селе Н.М. Карамзин узнал Пушкина, тогдашнего питомца Лицея, полюбил его родительскою, но вместе с тем и строгою любовью. По выражению И.И. Дмитриева, он угадал, и верным своим взглядом угадал безошибочно

**В отважном мальчике
грядущего поэта...⁸.**

Карамзину, очевидно, пришлось по сердцу некоторые поэтические сочинения лицеиста Пушкина, его остроумные эпитафии. Пушкин-лицеист, по свидетельству П.А. Вяземского, «бывал у Карамзинных ежедневно по вечерам»; встречался там с его детьми: дочерьми Софьей (1802–1856)

⁸ Вяземский П.А. Стихотворения Карамзина // Вяземский П.А. Т. VII. СПб., 1882. С. 150.

и Екатериной (1806–1867) и сыновьями Андреем (1814–1854) и Александром (1815–1888).

В то время Карамзин был занят написанием своей «Истории», и во время встреч часто беседовал с Пушкиным об отечественной истории и выслушивал его мнения. В феврале 1818 г. Пушкин «в постели с жадностью и со вниманием» прочитал первые восемь томов «Истории государства Российского» и высоко оценил исторический труд Карамзина. Но его отталкивает консерватизм политических и исторических воззрений историографа.

В послании к В.А. Жуковскому («Благослови, поэт!»), написанном в 1816 г., мы находим поэтический итог первого длительного общения поэта-лицеиста с Карамзиным:

**Сокрытого в веках священный судия,
Страж верный прошлых лет, наперсник
Муз любимый
И бледный зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил.**

После окончания Пушкиным Лицея был момент, когда Карамзин «отстранил от себя, глубоко оскорбив и честолюбие и сердечную к нему приверженность» молодого поэта⁹. Причины этого конфликта — неизвестны. Затем, с начала 1820-х годов, всё более ощутимо расхождение их литературных позиций. Пушкин, признавая прозу Карамзина «лучшей в нашей литературе», считает, что это «ещё похвала небольшая». Со своей стороны, отзывы Карамзина о «Кавказском пленнике» и «Цыганах» также свидетельствуют о неприемлемости для него поэтической системы Пушкина. По позднему свидетельству Пушкина, Карамзин «под конец» был ему чужд. Но всё же он оставался для Пушкина

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1937–1949. Т. XIII. № 272.

до конца его жизни символом независимой литературной и общественной позиции писателя в России. Оценивая Карамзина как «первого нашего историка и последнего летописца», Пушкин в полемике с Н.А. Полевым¹⁰ подчёркивал его значение, не раз отмечал заслуги Карамзина в истории русского языка и прозы.

«Историограф <Н.М. Карамзин> был для него не только великий писатель, но и мудрец, — «человек высокий», как выразился он сам <т.е. Пушкин>, — записал К.А. Полевой после одного из разговоров с Пушкиным, — Когда он писал своего «Бориса Годунова», Карамзин, услышав о том, спрашивал поэта, не надобно ли ему для нового его создания каких сведений и подробностей из истории избранной им эпохи, и вызвался доставить всё, что может. Пушкин отвечал, что он имеет всё в «Истории государства Российского», великом создании великого историка, которому обязан и идею нового своего творения»¹¹. Поэтому свою поэму «Борис Годунов» Пушкин посвятил Карамзину: «Драгоценной для Россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, Гением его вдохновенный, с благоволением посвящаю»¹². А впоследствии, когда в Симбирске сооружался памятник Н.М. Карамзину, Пушкин внёс 25 рублей на его устройство. Один из последних замыслов Пушкина явилась публикация в журнале «Современник» фрагмента

¹⁰ Н.А. Полевой в конце 1829 г. в «Московском Телеграфе» (№ 12) напечатал весьма резкую по тону и крайне негативную по содержанию статью против Н.М. Карамзина и его «Истории государства Российского». Карамзин, по мнению Полевого, «уже не может быть образцом ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русского. Период его кончился. Его русские повести — не русские: его проза далеко отстала от прозы других новейших образцов наших; его стихи для нас проза; его теория словесности, его философия для нас недостаточны. <...> Карамзин нигде не представляет вам духа народного».

¹¹ Записки А. Полевого. СПб., 1888. С. 278.

¹² Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XIV. № 528.

рукописи Карамзина «Записки о Древней и новой России, в её политическом и гражданском отношении», осуществлённая посмертно в извлечениях с примечаниями Пушкина.

Жена Н.М. Карамзина, Екатерина Андреевна (1780—1851) — человек необыкновенных душевных качеств — была «верным другом Пушкина с лицейских дней до самой его кончины». В трудные и решительные моменты жизни Александр Сергеевич всегда искал её совета, сочувствия и поддержки. «Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? — писал Пушкин П.А. Вяземскому в мае 1830 года, — я уверен в её участии, но передай мне её слова — они нужны моему сердцу»¹³. До конца своей жизни Пушкин питал к ней совсем особое, более чем сыновнее, почтительное и нежное чувство. И даже после дуэли, перед своей кончиной Пушкин попросил позвать её, дал знать, чтобы она благословила и перекрестила его, потом взял её руку и поцеловал. Коротенькое, в несколько строк письмо её к сыну Андрею Николаевичу с рассказом об этом последнем свидании, написанное на следующий день после смерти Пушкина, 30 января 1837 г., производит именно своей простотой потрясающее впечатление, в нём отразились ум и сердце Е.А. Карамзиной: «Пишу к тебе с глазами, наполненными слёз, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина!»¹⁴.

Софья Николаевна Карамзина — старшая дочь Н.М. Карамзина от первого брака была умна и начитанна, остроумна и занимательна в беседе и вместе с мачехой Е.А. Карамзиной играла главную роль в салоне Карамзиных. Пушкин относился к Софье Николаевне дружелюбно. Имея возможность следить почти изо дня в день за развитием трагической ситуации, сложившейся между Пушкиным, его женой и Дантесом, она долго не могла правильно оценить положение. В письмах к брату Андрею она изображает драму поэта как обычный в свете «треугольник», причём связанные с этим тревога поэта и его поведение кажутся ей неоправданными и смешными. И только

¹³ Там же. № 473.

¹⁴ Измайлов Н.В. Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг. М.; Л., 1960. С. 166.

смерть Пушкина заставила её глубже взглянуть на событие и пересмотреть своё отношение к ним.

Весной 1842 г. Софья Николаевна пережила бурный роман с братом поэта — Львом Сергеевичем Пушкиным. Баронесса Е.Н. Вревская (урожд. Вульф) писала по этому поводу: «Недавно Карамзина Софья ему призналась в своей любви, да ещё со слезами. А Наталья Николаевна <вдова поэта> его бранила сурьёзно, что очень не морально: сводить с ума, не чувствуя сам к ней ничего»¹⁵. Ранее Н.Н. Пушкина ревновала к С.Н. Карамзиной своего мужа, который всегда относился к ней весьма дружелюбно, что видно из писем к жене.

Александр Иванович Тургенев

(1784—1845) — один из замечательно образованных людей своего времени, ближайший и преданнейший друг

¹⁵ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.; Л., 1903—1930. Вып. XIX—XX. С. 112.

Карамзина, Жуковского, П.А. Вяземского и других наиболее выдающихся представителей русской литературы, в жизни Пушкина, которого он знал с детства, всегда играл заметную роль. По его совету и непосредственному ходатайству Пушкин в 1811 году был определён в Царскосельский Лицей. Мог ли Тургенев думать, что этот мальчик, которому по доброте своей он открыл доступ в Лицей, сделается знаменитым поэтом, и что через 26 лет он окажет ему другую услугу: отвезёт его тело в Святогорский монастырь к последнему месту упокоения.

С ранних лет Пушкина он любовно и заботливо следил за развитием его гения, досадуя подчас на «преступную праздность» этого гения.

**Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лениности моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благотворных снов!¹⁶**

Лёгкий и несколько насмешливый тон этого послания не противоречит сердечному уважению Пушкина к истинно доброму человеку, который определил его в Лицей и впоследствии стал крёстным отцом второго его сына — Григория Александровича.

В своей обширной переписке и дневниках А.И. Тургенев неоднократно упоминает о Пушкине, проявляя острый интерес к его литературной деятельности. В 1820 г. он стал на сторону Пушкина в полемике вокруг «Руслана и Людмилы»; с другой стороны, в 1825 г. он резко осудил Пушкина за ставшие ему известными эпиграммы Пушкина

¹⁶ А.С. Пушкин 8 ноября 1817 г. пишет стихотворное послание «Тургеневу» («Тургенев, верный покровитель») // Пушкин. Полн. собр. соч. Т. II. С. 40.

на «отца-Карамзина». В 1830-е годы близость Пушкина с Тургеневым поддерживается и постоянным интересом обоих к русской истории. В распоряжении Тургенева в эти годы находился обширный свод материалов по истории России, собранный им в архивах Ватикана, Рима, Парижа, Лондона. Последние два года жизни Пушкина связи между ними были так тесны, из-за общности занятий и близкого соседства, что они виделись почти каждый день.

А.И. Тургенев был в числе немногих друзей у постели умирающего Пушкина и описал его последние дни и смерть в нескольких письмах, которые были адресованы его кузине Александре Ильиничне Нефедьевой в Москву. В каждом письме он её предупреждал, чтобы она доставила эти письма для прочтения только И.И. Дмитриеву и Д.Н. Свербееву. Копии со всех этих писем отправлялись и в Симбирск на имя двоюродного брата А.И. Тургенева — симбирского помещика, участника Отечественной войны 1812 г. Ивана Семёновича Аржевитина (ок. 1792—1848). На следующий день, как Пушкина не стало, Тургенев лично отсылает в Симбирск письмо с описанием дуэли и кончины Пушкина, вложив «Литературные прибавления» к «Русскому Инвалиду» № 5 от 30 января 1837 г. с сообщением о смерти поэта: «Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!..»¹⁷ и стихотворение Пушкина «К морю», в котором речь шла о Н.И. Тургеневе. В Симбирске о дуэли и смерти Пушкина стало известно по письмам А.И. Тургенева. Вероятно, он же сообщил симбирянам стихотворение М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта».

¹⁷ За публикацию этого сообщения, автором которого являлся князь В.Ф. Одоевский, издатель «Русского Инвалида» получил выговор от А.Х. Бенкендорфа.

А имя его младшего брата **Николая Ивановича Тургенева (1789–1871)** — государственного деятеля, одного из руководителей Союза благоденствия, проходившего по делу декабристов и приговорённого к смертной казни — для многих его современников «было равносильно с именами честности и чести». С обширным, чисто государственным умом и европейской образованностью, он соединял высокие нравственные качества; одарённый мягкой отзывчивой душой и твёрдым, непреклонным характером, он весь был проникнут чувством великодушия и безграничной любви к свободе и правде.

Для Пушкина он являлся «одним из политических учителей»; его влияние на творчество молодого поэта бесспорно. Статья Н.И. Тургенева «Нечто о барщине» вдохновила Пушкина на стихотворение «Деревня». Не случайно, в кругу братьев Тургеневых создаётся известнейшая ода «Вольность» (декабрь 1817 г.), которая была наполовину сочинена Пушкиным в комнате Н.И. Тургенева, жившего вместе со старшим братом в доме князя А.Н. Голицына на Фонтанке; ночью dokonчена и на другой день вся ода, написанная на большом листе, была принесена к Николаю Ивановичу¹⁸.

Вероятно, написана эта ода была по совету другого брата Тургеневых — Сергея Ивановича (1792–1827), который также знал Пушкина ещё ребёнком в Москве и проявлял постоянный интерес к его творчеству. С.И. Тургенев ещё в 1815 г. в Париже написал поэтическое послание княгине А.И. Голицыной, которое на-

зывалось «Княгине Голицыной, которая старалась убедить, что революцию развязывают злодеи, добрые же её прекращают». В послание были такие слова:

**«...И доколе же будут народы стенать
над своими несчастьями
И проливать бессильные слёзы
над своей участью?
Верьте, княгиня, близится
счастливый день,
Когда робкие наши мысли, пленённые
наши уста
Вновь обретут мужество, найдут
красноречивые слова
И, уважая августейшее происхождение
королей,
Вооружаться, дабы обрести вольность
И вернуть законам их силу»¹⁹.**

Может быть, однажды в салоне княгини А.И. Голицыной, когда разговор зашёл о Сергее Тургеневе, Голицына показала Пушкину его стихи, надписанные самим Тургеневым: «Песнь Свободе», его эстетическое и политическое кредо». С.И. Тургенев в ноябре 1817 г. во французском городе Мобеже, где он находился на службе при командующем русским оккупационным корпусом, записывает в дневнике: «Мне опять пишут о Пушкине, как о развёртывающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и вместо оплакиваний самого себя, пусть первая песня его будет: «Свободе»²⁰. А в декабре того же года Пушкин сочиняет «оду на свободу», т.е. оду «Вольность».

¹⁸ П.И. Бартев о Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. / Сост., автор вступ. ст. и прим. А.М. Гордин. М., 1992. С. 405.

¹⁹ Чистова И.С. Пушкин в салоне Авдотьи Голицыной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. С. 198–199.

²⁰ Шибунин А.Н. Пушкин по материалам архива братьев Тургеневых // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 1. М.; Л., 1936. С. 197.

А когда над Пушкиным за сочинение этой оды и нескольких политических эпиграмм «на властителей» и песен, ходивших под именем Пушкина в Петербурге, нависла угроза ссылки в Соловецкий монастырь, на помощь приходят своим заступничеством перед властями симбиряне. Н.М. Карамзин, истинно благородный человек, просит о смягчении участи Пушкина, «взяв с него слово уняться»²¹. Благодаря ходатайству и поручке Карамзина, ссылка в Соловецкий монастырь заменяется поездкой на юг, в Крым.

Пушкин воспитывался и на стихах героя Отечественной войны 1812 г., знаменитого партизана **Дениса Васильевича Давыдова (1784–1839)**. В архиве А.М. Горчакова, товарища Пушкина по Лицею, сохранилась первая элегия Давыдова, переписанная рукой юного поэта. Их знакомство состоялось зимой 1818–1819 гг. в Петербурге.

В 1830-х годах Д.В. Давыдов жил в своём имении, в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. Там он работал над историческими записками о войне 1812 г. В его письмах этого периода постоянно упоминается имя Пушкина. Именно к этому времени относится наиболее интенсивный период переписки Давыдова с Пушкиным, что связано с участием поэта-партизана в пушкинском «Современнике». К нему обращены пушкинские слова, написанные 18 января 1836 года:

**Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:**

²¹ Письмо Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву от 19 апреля 1820 г. // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / изд. Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866. С. 286–287.

**Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир...²²**

В этих словах выражено признание того влияния, которое оказывал Д.В. Давыдов на пушкинскую поэзию. И недаром он признавал, что некоторыми особенностями своего поэтического творчества был обязан Давыдову-поэту. Подтверждением этого служит рассказ Д.В. Давыдова, слышанный князем Вяземским 29 января 1830 г.: «Он, хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать круче и приравниваться к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку»²³. Позже поэт-партизан скажет, что послание Пушкина «Тебе, певцу, тебе, герою!» — это «мой патент на бессмертие».

²² Стихотворное послание А.С. Пушкина к Д.В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою...») было сочинено при посылке последнему «Истории Пугачева». «Стихи прелестные как все что выходит из-под его пера», — писал Д.В. Давыдов 23 января 1836 г. жене. // Абрамович С.Л. Пушкин. Последний год: Хроника, янв. 1836 янв. 1837. М., 1991. С. 41–42.

²³ Друзья Пушкина. М., 1984. Т. 2. С. 21.

Смерть Пушкина произвела на Д.В. Давыдова тяжёлое впечатление. «Веришь ли, — писал поэт, — что я по сию пору не могу опомниться — так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою, подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать так должно, а не так, как умрут те из знакомых нам с тобой литераторов, которые теперь втихомолку служат молебны... Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнью, и смертью парил над ними!»²⁴.

Отношение Александра Сергеевича и **Николая Михайловича Языкова (1803–1846)** представляют огромный интерес особенно тем, что первый посетил Симбирск во многом благодаря братьям Языковым. Хотя вопрос о взаимоотношениях Н.М. Языкова и А.С. Пушкина довольно сложен, вопреки сложившейся традиции, представляющей их друзьями и единомышленниками. В начале 1820-х годов поэзия Языкова привлекает внимание одесского, а затем михайловского изгнанника. Первый поклон Языков получил в 1824 г. от ссыльного Пушкина через А.Ф. Воейкова: «Наш Байрон <Пушкин> восхищается Вашими стихами и пророчесствует Вам мирты, розы, лилии и вечнозеленые лавры»²⁵. Пушкин испытывал интерес к личности Языкова, в котором видел, прежде всего, поэта. Его привлекал в то время жизнеутверждающий пафос поэзии студента Дерптского университета, который отвечал неизменному стремлению ссыльного поэта к свободе. «С самого появления своего, — писал А.С. Пушкин, — сей поэт удивляет нас огнём и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостью, ему свойственно»²⁶. Пушкин был одним из первых, кто сразу

же решительно и безоговорочно признал дарование молодого поэта и усиленно пропагандировал его. Пушкин же первый в том же 1824 г. обратился к нему с посланием «К Языкову»:

**Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе...**

Ощущая в Н.М. Языкове (сквозь призму его творчества) духовно близкого человека и называя его «мой брат по крови, по душе», Пушкин надеялся обрести в нём искреннего друга и собеседника.

Напротив, Языков в суждениях и отзывах своих о Пушкине до личного знакомства очень сдержан, холоден, а часто и враждебен. Об этом свидетельствуют многочисленные критические отзывы поэта о творчестве Пушкина, содержащиеся в его письмах к родным. Сдержанность Языкова обусловлена также осознанием огромной внутренней

²⁴ Авдонин А. Пушкин и Симбирский край. Саратов, 1987. С. 11.

²⁵ Письмо А.Ф. Воейкова к Н.М. Языкову от 21 апр. 1824 г. // Литературные портфели: Статьи, заметки и неизданные материалы по новой Русской литературе из собраний Пушкинского Дома. 1. Время Пушкина. Пб., 19233. С. 64.

²⁶ Пушкин А.С. Статья «Невский альманах на 1830 г.» // «Литературная газета». 1830. № 12, 25 февраля.

дистанции, разделявшей первого поэта России и дерптского студента.

Личное знакомство двух поэтов в Тригорском в 1826 г. во многом было переломным событием в отношении Языкова к Пушкину: его почтительно-отстранённое поведение сменяется восторженностью. Находясь под воздействием ярких впечатлений от встреч с Пушкиным, Языков обращается к поэту с проникновенным стихотворным посланием в письме от 19 августа 1826 года:

Огнём стихов ознаменую
Те достохвальные края <...>
Где и когда мы: ты да я <...>
Два первенца полных Муз, —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.

Однако провозглашённый Языковым дружеский союз — это, прежде всего, союз двух поэтов, объединяющий их на поэтическом поприще, но не в жизни. При всей внешней близости поэтов их отношения, возникшие после знакомства, всё же нельзя определить как дружеские. Если между ними и были дружеские отношения, то лишь с большой натяжкой эту «дружбу» можно назвать взаимной, ещё менее — открытой и тёплой.

Но и в дальнейшем оценки Языкова поэтического творчества Пушкина остаются всё также сдержанными и нередко неблагоприятными. Исключения представляют «Борис Годунов», «Арап Петра Великого» и отчасти «Полтава». Интересно отметить, что накануне знакомства с Пушкиным Языков приближается к пушкинским темам, собирается написать трагедию о Борисе Годунове, а в незавершённой поэме «Ала» («В стране, любимой небесами...») видна попытка создать свою «Полтаву»²⁷.

²⁷ Сахаров В. Под сенью дружных муз. М., 1984. С. 87.

Одновременно Языков испытывал на себе воздействие пушкинского творчества. «В отношениях с Пушкиным в Языкове говорил больше поэт, чем человек, поэт, отвергающий подражательность и литературные приличия, самостоятельно и на равных правах, рядом с гением познающий своё истинное значение. Как равного по масштабу таланта, воспринимал Языкова и Пушкин. Не оспаривая занятого им места и поддерживая в нём стремление быть другим»²⁸.

Даже после гибели Пушкина его жизнь, его творчество были предметом пристального внимания симбирян. Через пятнадцать лет после его трагической гибели симбирский помещик, критик, историк литературы Павел Васильевич Анненков (1813–1887) в Симбирской губернии, в селе Чириково, осенью 1851 г. получил доступ к архиву Пушкина, хранившемуся у вдовы поэта Н.Н. Ланской (Пушкиной), начинает готовить первое издание сочинений А.С. Пушкина. Это была первая серьёзная попытка разобраться в рукописном наследии поэта, опыт научного истолкования жизни и творчества Пушкина в их единстве. В середине января 1855 г. выходит первый том собрания сочинений Александра Сергеевича Пушкина под редакцией Павла Васильевича Анненкова. В этом томе помещена первая научная биография поэта, не потерявшая своей ценности и по сей день, — «Материалы для биографии А.С. Пушкина».

Правда, идея издания научного собрания сочинений Пушкина, принадлежала не П.В. Анненкову, а его брату — Ивану Васильевичу Анненкову (1814–1887). В 1847 г. Н.Н. Ланская, делами которой по дружбе к семейству занимался Иван Васильевич, пришла к мысли издать вновь новое собрание сочинений Пушкина, имевшие только одно издание 1837 года. Она обратилась к И.В. Анненкову, сослуживцу

²⁸ Рассадин А.П. Последний из пушкинских плеяды. Историко-документальное повествование. Ульяновск, 2002. С. 129.

своего мужа П.П. Ланского, за советом и пришла на дом к нему два сундука пушкинских бумаг. Именно И.В. Анненков первый знакомится с рукописями поэта, предоставленными ему вдовой поэта, и находит среди них около 50 стихотворений, не бывшие в печати. Он заключает с Н.Н. Ланской договор, по которому она уступала Анненковым право на издание сочинений Пушкина. И именно он составляет план издания сочинений Пушкина, добросовестно выполненный его братом П.В. Анненковым.

После выхода «Материалов для биографии А.С. Пушкина» симбирянин, писатель **Иван Александрович Гончаров (1812–1891)** с радостью принял эту весть: «Как я рад, я, жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идеалом, и только он один». В 1827–1828 годах И.А. Гончаров знакомится с поэзией поэта и увлекается ею. «И вдруг Пушкин! Я узнал его с Онегина, который выходил тогда периодически, отдельными главами. Боже мой! Какой свет, какая волшебная даль открылись вдруг, и какие правды — и поэзии, и вообще жизни, притом современной понятной, — хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках! Какая школа изящества, вкуса для впечатлительной природы!»²⁹, — писал И.А. Гончаров М.А. Языкову в 1853 г. Он впервые увидел Пушкина в Никитском монастыре в Москве, а затем студентом в Московском университете на лекциях профессоров И.И. Давыдова и М.Т. Каченовского в сентябре 1832 г. Молодой Гончаров вместе с другими студентами был свидетелем горячего спора между Пушкиным и Каченовским о подлинности «Слова о Полку Игореве». «Я не помню подробности их состязания <...> Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин», — вспомнит в дальнейшем Гончаров³⁰. Ему запомнилось лицо поэта: «матовое, суженное внизу, с русыми бакенами и обильными кудрями волос»³¹.

Критик и активный сотрудник журнала «Современник» в середине XIX века Александр Васильевич Дружинин в статье об «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова напишет: «...несмотря

на разность дарований и изложения, ни один из романов, написанных по-русски, не подходит к «Евгению Онегину» ближе «Обыкновенной истории». В обоих произведениях видим мы ясную, тихую, светлую, но правдивую картину русского общества, в обоих русская природа изображена превосходно, в обоих действуют русские люди в их спокойном, повседневном состоянии, <...> в обоих нет ни лести, ни гнева, ни идиллий, ни преднамеренного свирепства. <...> Г-н Гончаров воспитан на Пушкине и предан его памяти...»³².

В 1857 г. И.А. Гончаров цензуровал VII, дополнительный, том сочинений Пушкина под редакцией П.В. Анненкова и полагал, что его можно разрешить к печатанию без всяких изменений. Собрание сочинений А.С. Пушкина, изданное П.В. Анненковым, было одним из самых дорогих для Гончарова.

С историей края, с Пушкиным связаны не только литераторы, но и другие деятели культуры. Один из них — **Владимир Никитич Кашперов (1826–1894)**, уроженец Симбирска, известный композитор, певец, профессор Московской консерватории по классу сольного пения, автор многих опер: «Мария Тюдор» (1859), «Гроза» (1866), «Боярин Орша» и др. Он в начале 1850-х годов в Симбирске по поэме Пушкина «Дыганы» сочинил одноименную оперу, либретто для которой было написано его приятелем Н.П. Огаревым, с которым они часто встречались то в Симбирске, то в огаревском имении Проломихе в Симбирской губернии³³. Эта опера не была поставлена. Из неё и сейчас исполняются отдельные номера: «Грозный муж» и «Где ж ты молодца видала». В 1856 г. В.Н. Кашперов, приехав в Берлин, показал эту оперу

²⁹ Гончаров И.А. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1954. Т. 7. С. 470.

³⁰ Там же. Т. 7. С. 207–208.

³¹ Вестник Европы. 1887. № 4. С. 502–503.

³² Современник. 1856. № 1. Отд. № III. С. 1–26.

³³ Литературное наследство. М. 1955. Т. 62. Ч. 2. С. 149.

М.И. Глинке. Впоследствии он вспоминал: «Когда я ему <М.И. Глинке> показывал мою первую оперу «Цыганы», ему понравились два номера, и он тотчас, обратившись ко мне с симпатичною речью, заключил так: «Я почту за наслаждение и за нравственную обязанность покончить ваше музыкальное образование»³⁴. В 1857–1866 годах им написаны музыкальные композиции к стихам А.С. Пушкина: «Я вас любил», «Песнь Земфиры», «На холмах Грузии», «Я позабыл ваш образ милый», «Я думал, сердце позабыло».

Мы остановили своё внимание на литераторах, поэтах, писателях, чьи имена стали гордостью нашей литературы и культуры. Но среди пушкинских знакомых — симбирян были ещё братья и сестры поэта Н.М. Языкова: Пётр, Александр, Екатерина (в замуж. Хомякова), Прасковья (в замуж. Бестужева), муж последней — Пётр Александрович и его дядя Григорий Васильевич Бестужевы.

Был и литератор, автор замечательных воспоминаний Иван Алексеевич Второв (1772–1844), который познакомился с Пушкиным в 1827 г. у барона А.А. Дельвига, а в сентябре 1833 г. виделся с поэтом в Симбирске у губернатора А.М. Загряжского.

Был и поэт и переводчик с восточных языков Дмитрий Петрович Ознобишин (1804–1877), о котором Пушкин в критической статье о «Северной лире на 1827 г.» неодобрительно отозвался о переводах из А. Шенье и арабских поэтах. Известно только об одной их встрече, произошедшей в петербургском салоне М.Ю. Виельгорского в начале 1830-х годов.

Был и писатель граф Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882), которого Пушкин однажды в начале 1836 г. вызвал на дуэль, но, к счастью, она не состоялась. Осенью 1836 г. ему же пришлось быть «и свидетелем, и актёром драмы, окончившейся смертью великого Пушкина»³⁵. Воспоминания В.А. Соллогуба, публиковавшиеся начиная с 1865 г., содер-

жат очень ценные и точные данные о последних месяцах жизни Пушкина.

Был и Николай Ильич Татаринов (1788–?) — симбирский помещик, муж Анны Семёновны Аржевитиновой, двоюродной сестры братьев Тургеневых, служивший заседателем Симбирского совестного суда, губернским казначеем. В 1823 г. он жил в Петербурге и поддерживал отношения со столичными литераторами: К.Ф. Рылеевым, А.А. Бестужевым, Гречем и другими. Вероятно, именно он, а не его сын А.Н. Татаринов, как считает Д.Н. Садовников, в 1820 году «привёз в Петербург полную коллекцию стихов Пушкина», которую Н.М. Языков обещал братьям переслать в Симбирск. Речь, скорее всего, идёт об известной тетради со стихами, подготовленной Пушкиным к печати, но проигранной им Н.В. Всевожскому в 1820 г.

Упоминаемый Дмитрий Николаевич Садовников (1847–1883) — поэт, переводчик, собиратель русского фольклора, «певец Волги», как называют его, — известен и как пушкинист. Он впервые опубликовал шесть пушкинских писем к поэту Языкову и письма братьев Языковых, касающиеся Пушкина. Кроме этого, он явился учредителем и членом Пушкинского кружка в Петербурге, устав которого был утверждён правительством в сентябре 1881 г. Не случайно поэтому, портрет Д.Н. Садовникова по праву занял место в музее А.С. Пушкина в Москве.

Можно много говорить о них, называя не одно имя пушкинских поклонников — симбирян. Многие из них стали профессиональными литературоведами-пушкинистами. Это уроженцы Симбирска, сотрудники Пушкинского дома, пушкинисты Михаил Дмитриевич Беляев (1884–1955) и Александр Сергеевич Поляков (1882–1923). Благодаря им в немалой степени росла известность и слава поэта. Действительно, пушкинская слава непреходяща. Вместе с тем наши современники знают и помнят не только великого русского поэта, но и его поклонников и защитников, русских пушкинистов. Тень пушкинской славы падает и на них.

³⁴ Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 315.

³⁵ Соллогуб В. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 467.